

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

**доктора философских наук, профессора Резниченко Анны Игоревны
на диссертацию Семенюка Антона Павловича**

**«Проблема понимания в русской религиозной философии XIX –
начала XX веков», представленную на соискание ученой степени доктора
философских наук по специальности 09.00.03 – история философии**

**ФГБОУ ВПО «Российский государственный гуманитарный университет»,
125993, г. Москва, Миусская площадь, 6; телефон: 8 (495) 250-61-18;
электронная почта: rsuh@rsuh.ru, сайт: <http://www.rsuh.ru>**

Актуальность и научная новизна диссертационного исследования Антона Павловича Семенюка обусловлены и инициированы уже заявленной им темой. Действительно, проблема понимания, столь актуальная при изучении философии европейской, практически никогда в полном объеме не исследовалась с привлечением отечественного материала. Диссертант справедливо указывает, «что в существующих исследованиях русской религиозной мысли проблема понимания затрагивается лишь фрагментарно», и в силу этого вопрос, который автор считает главным для своей работы: «имеется ли в русской религиозной философии специфический способ постановки и решения проблемы понимания, который отличался бы от существующих подходов к этой проблеме в мировой философии и тем самым служил бы основанием некоего уникального интеллектуально-духовного опыта русской мысли?» (с. 14 диссертации) – до сих пор остается открытым. Исследование А.П. Семенюка дает уверенный ответ на этот вопрос и, тем самым, заполняет существенную лауну современного гуманитарного знания.

Следует отметить высокий теоретический уровень текста. Работа А.П. Семенюка основательна, добротна и производит самое благоприятное впечатление как обширной эмпирической базой исследования, так и

обстоятельностью ее проработки. Об этом свидетельствует и солидный библиографический список (насчитывает 279 источников, в том числе 16 – на иностранных языках), – и отдельный раздел «Введения», посвященный литературе вопроса. Автор, нигде специально этого, правда, не оговаривая, уверенно выбирает синхронический подход к анализу историко-философского материала, вычлняя ключевые, как ему кажется, концепты (в работе они называются «гносеологемами» – см., напр., с. 13 диссертации) – такие, как «цельное знание», «живое знание», которые не только позволяют правильно поставить, описать и решить сложную проблему понимания в русском философском контексте, но и прояснить некоторые особенности русского философского менталитета. Диссертационное исследование имеет четкую логическую структуру, изложено на 287 страницах и состоит из введения, пяти глав, разделенных на параграфы и, далее, на подпараграфы, заключения и библиографического списка. Во *введении* традиционно формулируются актуальность, научная новизна, цель и основные задачи работы, анализируется степень разработанности проблемы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе – *«Теоретико-методологические предпосылки исследования»* – довольно небольшой по объему, но ключевой для диссертации именно в теоретическом плане, автор вводит две важные для своего исследования категории – «трансцендентализм», как указание на некоторую границу или разрыв (с. 27) и «холизм», как указание на цельность, на единство, – и именно это свойство русского философского менталитета будет в дальнейшем рассматриваться как ключевое. Дальнейшему раскрытию холистического и трансценденталистского моментов в проблеме понимания посвящена вторая глава – *«Историко-философский контекст проблемы цельного знания»*, которая представляет собой историко-философский обзор тех концепций (от исихастов и Мейстера Экхарта – до Хайдеггера и Кассирера – и

от Вл. Соловьёва до Флоренского и Франка), которые автор относит, исходя из принятой им в первой главе классификации, к концепциям либо трансценденталистского, либо холистского типа.

Проблематика третьей главы – *«Гносеологические идеи русских мыслителей в контексте проблемы понимания»* также связана с идеями холизма – правда, здесь уже автор переходит на более естественный для русской философии язык, формулируя основную гносеологическую оппозицию уже не как «холизм» versus «трансцендентализм», а как «живое знание» (именно этот концепт трактуется как «понимание») versus «мертвенная ученость»: «Категория “живое знание” является аналогом “понимания” в аспекте его противопоставленности отвлечённому, гипостазированному рассудку» (с. 28 автореферата). В сущности, эта глава, как и предыдущая, так же представляет собой экскурс, – но экскурс, посвященный истории бытования крайне важного для русского философского языка концепта «цельное / живое знание», убедительно раскрывая трансформации его значений от момента его возникновения в философском языке ранних славянофилов до онтотеологии Франка. Несомненной удачей данной главы является сопоставление и концепций, и герменевтических практик Хайдеггера и Франка, где основанием для такого сопоставления служит апофатическая традиция, крайне важная для обоих мыслителей (см. с. 166 диссертации).

Однако подлинным центром работы, наиболее удачной ее частью как с точки зрения стиля, так и с точки зрения содержания, является четвертая глава: *«Проблема понимания в философии В.В. Розанова»*. Собственно говоря, все предшествующие теоретико-методологические классификации и историко-философские экскурсы необходимы автору для того, чтобы корректно описать и проанализировать философское творчество именно Розанова, его специфическую интерпретацию проблемы понимания, его «живое знание», его органицизм. Диссертант совершенно справедливо указывает на то, что именно

ранняя розановская книга «О понимании», до сих пор малоисследованная и сильно отличающаяся по стилю от поздних розановских сочинений, является ключом к их пониманию. Это не тавтология и не каламбур – автору удалось убедительно показать, что его методология, столь фундаментально обоснованная в предшествующих главах, и прежде всего – интерпретация понимания как живого знания, – оказывается прекрасно работающей при анализе розановских текстов, где стиль является дополнительным, а иногда и основным способом аргументации: «в понимании (у Розанова. – А.Р.) заключена притягательная сила поэзии: видение красоты подобно проблескам понимания или лучам озарения. Речь идёт о понятиях рядоположенных. Явлению красоты также нельзя подобрать определение, как и невозможно отыскать чёткую дефиницию понимания, у них нет закономерностей и принципов, и то и другое за рамками теории, и то и другое основано на предчувствиях и предзаданностях» (с.38 автореферата). К слову, именно к четвертой главе значительно улучшается и стиль самого диссертанта.

В пятой, заключительной главе – *«Пространство и время миропонимания русской религиозной философии XIX – начала XX веков»* А.П. Семенюк предпринимает попытку соотнесения своей интерпретации термина «понимание» с такими ключевыми категориями культуры и онтологии, как пространство и время, – в целом вполне удачную. Наконец, в *Заключении* автор четко формулирует основные выводы диссертации.

Отмечая такие достоинства диссертационного исследования, как оригинальность самой темы диссертации, обширный эмпирический материал, исследованный автором, несомненную теоретико-методологическую ее новизну нельзя не указать на имеющие место недостатки:

1. Некоторое недоумение вызывает сам термин «холизм», так активно используемый автором в первых трех главах диссертации – тем более, что сам А.П. Семенюк указывает: «Термин “холизм” в

применении к историко-философской реальности может быть не совсем удачен, учитывая то, что он неизбежно вызывает ассоциации с аналитической философией (У. Куайн, Д. Дэвидсон), системным подходом и т.д.» (с. 35). За 90 лет своего существования в современном философском языке (напомню, что термин этот был введен в научный оборот в 1926 году Я.К. Смэтсом в программной для т.н. «философии целостности» работе «Holism and Evolution» – и указания на эту работу нет в списке литературы) слово «холизм» приобрело не совсем уместные для анализа русской философской традиции коннотации, и скорее фиксирует некоторый стилиевой разрыв между языком предмета исследования, т.е. языком самой русской философии – и языком описания, в целом принятым в диссертации.

2. Впечатление точно такого же стилистического диссонанса вызывает обилие громоздких терминов и аббревиатур: РРФ – русская религиозная философия; МВ – метафизика всеединства, ЦЗ – цельное знание и т.д. В тексте много неудачных стилистически фраз типа: «При этом нужно отметить, что проблема понимания, возникшая в русской религиозной философии (далее – РРФ) в рамках гносеологических программ, в силу своей трансдисциплинарности может быть эксплицирована в онтологическом, антропологическом, историческом, герменевтическом, культурологическом и топологическом планах русской (так! – А.Р.) религиозно-метафизического дискурса» (с. 4 диссертации); перечень примеров можно продолжить. Такая языковая неуклюжесть только затрудняет чтение и зачастую затемняет смысл исследования, – тем более, что сам диссертант

прекрасно понимает важность стиля для философского текста. Диссертация только выиграла бы, если бы язык предмета и язык описания были сближены (как это скажем, происходит отчасти в главе четвертой и пятой) – и особенно разителен контраст между тяжеловесным, насыщенным терминологическими заимствованиями, не всегда точными и корректными, стилем самой диссертации – и легким, эмоционально-насыщенным и образным стилем одного из центральных героев работы, В.В. Розанова. Описывая методологические основы своего исследования, автор указывает, что «...во избежание ретроактивности, замыкания в эндогенной архаичной терминологии самих изучаемых текстов, исследование обращается в экспликации специфики русской гносеологической мысли к терминологическому аппарату феноменолого-герменевтической традиции, особенно (что продиктовано темой диссертации), к языку хайдеггеровской аналитики понимания» (с. 10 автореферата) – однако стиль приведенного постулата также далек от метафорического стиля Хайдеггера.

3. И, наконец, вызывает некоторое недоумение то обстоятельство, что автор, вопреки сложившейся практике, не выделяет в отдельные списки собственно источники, т.е. тексты В.В. Розанова, С.Л. Франка, П.А. Флоренского и т.д. – и исследовательскую литературу. От этого работа также только бы выиграла.

Однако выдвинутые замечания не влияют на положительную оценку работы. В итоге можно квалифицировать работу А.П. Семенюка как исследование, которое отличается четко проработанной структурой, последовательностью и логичностью в постановке исследовательских задач,

высоким теоретическим уровнем анализа материала, хорошей обоснованностью предлагаемых решений и соответствует необходимым требованиям и стандартам. В целом работа диссертанта представляет собой значительное и зрелое научное исследование высокого теоретическом уровня. Диссертация написана с привлечением обширного круга источников и исследовательской литературы; ее научно-теоретическая и практическая значимость заключается в том, что ней применяются новые концептуальные подходы для интерпретации гносеологических учений русских религиозных мыслителей. Предложенный в исследовании подход может иметь существенное значение для розановедения: для истолкования раннего Розанова, для понимания роли ранних работ Розанова в рамках всего розановского творчества. Результаты диссертационного исследования могут использоваться в учебных курсах, посвященных истории русской философии, истории зарубежной философии, интеллектуальной истории, в курсах по богословским дисциплинам, а также при разработке образовательных программ по философским и культурологическим специальностям.

Автореферат и публикации автора, в том числе в ведущих рецензируемых научных журналах, **отражают** основное содержание диссертации.

Диссертация А.П. Семенюка **полностью удовлетворяет** требованиям пункта 9 «Положения о присуждении ученых степеней», поскольку в ней содержится решение задач, имеющих существенное значение для развития исследований в области истории философии, а также глубокие научные обобщения, отражены новейшие научные данные и способы исследования. Диссертационное исследование выражает авторскую позицию, которая признана в качестве научного достижения профессиональным сообществом в области исследований по истории философии.

Автор диссертации **Семенюк Антон Павлович** заслуживает присуждения ученой степени доктора философских наук по специальности **09.00.03 – история философии.**

5 мая 2016 года

Официальный оппонент:
доктор философских наук,
профессор кафедры истории отечественной философии
философского факультета
ФГБОУ ВПО «Российский государственный
гуманитарный университет»

Резниченко

А.И. Резниченко

подпись А.И. Резниченко

установлено:

Управление кадров

Н.Н. Назарова